

**Преподавание профессиональной этики:
теоретический контекст и личный опыт**

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть теоретический контекст профессионально-этического образования. В первой ее части рассматривается вопрос о том, каким образом в комплексном феномене профессиональной этики соединяются теоретические и нормативно-практические элементы. Хотя под профессиональной этикой принято подразумевать и теоретическую дисциплину (ветвь этического знания), и особую область морального регулирования (ценности, нормы, а также индивидуально-психологические, коммуникативные и институциональные механизмы их внедрения в жизнь), автор статьи не считает, что такое словопотребление нуждается в реформировании. Применение одного и того же термина в данном случае подчеркивает единство практики, то есть самого функционирования малых нормативно-ценностных систем, и теории, их критической и моделирующей возможные изменения рефлексии. Вторая часть статьи посвящена анализу ближайшего по отношению к профессиональной этике родового понятия и более широкого явления – прикладной этики. Прикладная этика рассматривается автором как результат проекции или конкретизации общего ценностно-нормативного содержания морали применительно к специфике предметно и профессионально определенных практик. Эта проекция или конкретизация не является результатом прозрачного последовательного рассуждения от общего к частному и не может быть обеспечена с помощью усилий теоретиков. Моральные ценности и требования проецируются или конкретизируются в ходе сложных коммуникативных процессов, в которых задействованы сообщества людей, вовлеченных в ту или иную практику, а также ее многочисленные стейкхолдеры (стороны, заинтересованные в ее оптимальном функционировании). Рассуждение от общего к частному (от морального идеала к ценностям и нормам малой системы) всего лишь проясняет общую рамку таких процессов и задает точку отсчета для критики их результатов. Роль специалиста по прикладной этике состоит как в обнаружении такой рамки, так и в предоставлении консультационных услуг в ходе первичной институционализации конкретной малой системы или развития ее институтов. Специфика же профессиональной этики том, что на ее основе регулируется особый тип трудовой деятельности, а именно – труд профессионалов. Этот труд предполагает высокую степень автономии специалиста, условия для существования которой создает саморегулирующееся профессиональное сообщество с собственной нормативно-ценностной программой и поддерживающим ее реализацию институтом репутации. Именно поэтому так важно препода-

вание профессиональной этики. Оно является неотъемлемой частью профессионального образования в целом, которое превращает выпускника университета в полноценного представителя его профессионального сообщества. Курсы профессиональной этики призваны продемонстрировать студентам, что этическое поведение есть одна из составляющих профессионализма. Статья заканчивается анализом преподавательского опыта ее автора в этой сфере – работы с двумя очень разными контингентами будущих профессионалов: психологами-консультантами и школьными учителями.

Ключевые слова: мораль, этика, прикладная этика, профессиональная этика, профессионализм, преподавание прикладной этики, российские университеты.

Теория и практика

Понятие «профессиональная этика» используется для обозначения сложного комплекса явлений. С одной стороны, под ней подразумевается сам по себе набор ценностных ориентиров, принципов, правил, регулирующих профессионально определенные практики, а также механизмы, которые придают этому набору действенность. Механизмы профессиональной этики работают на разных уровнях: отдельный индивид, то или иное сообщество, общество в целом; они носят институциональный и неинституциональный характер, опираются на сознательность и убежденность индивидов и на их опасения понести имиджевые потери. В каких-то случаях ее механизмы включают в себя мягкое понуждение и смыкаются, но при этом не сливаются с правовой регуляцией поведения. С другой стороны, профессиональная этика является исследовательской областью и академической дисциплиной. Если речь заходит о специалистах в области профессиональной этики, то, как правило, подразумеваются не те, кто вовлечены в работу этической инфраструктуры какой-то профессии, а те, кто занимаются изучением морального регулирования профессиональной деятельности и его нормативных оснований, теоретически отображают эти явления, осмысливают их отношение к морали в целом, дают оценку их состояния на определенный момент времени и т.д.

Со строго аналитической точки зрения такая двойственность употребления требует изменения привычного лексикона. Русский язык имеет тенденцию связывать слово «этика» именно с академической дисциплиной, с теорией, и значит, можно было бы оставить за понятием «профессиональная этика» лишь второе значение. В первом же случае говорить о профессиональной морали, подразумевая моральные ценности, принципы и правила профессиональных сообществ и все то, что обеспечивает их воплощение в поведении профессионалов.

В российской этике такое словоупотребление было инициировано В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым. Они предложили использовать понятие «малые (или прикладные) нормативно-ценностные системы (подсистемы)», хотя наряду с этим применяли и более короткое обозначение «прикладные морали». Возникновение таких систем воспринималось ими в особой исторической перспективе. В соответствии с историко-культурным нарративом, содержащимся в яркой, эвристически очень ценной и не потерявшей за 16 лет свою актуальность монографии «Введение в прикладную этику», к «сегментации» на малые системы «готова» и на нее «способна» лишь рационализированная и универсализованная мораль, возникающая на определенном этапе развития новоевропейской культуры. Нормативно-ценностные системы отдельных профессиональных практик и сообществ появляются в ходе процесса, который представляет собой одновременно преодоление ригидной «народной нравственности» («нравственности традиционного общества») и сохранение некоторых ее исходных свойств в снятом виде. «Народная нравственность – пишут В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов – как системный элемент грядущей собственно моральной онтологии располагала немаловажными отличиями в понимании добродетели от представлений рационализирующейся морали. Отношения этих контекстов можно, без особого риска ошибиться – уподобить отношению права обычного и права формализованного. Если в народной нравственности значительное место отводится таким добродетелям, как целостность («отдаться полностью», «отдать всего себя целиком» и т.п.), верность данному слову, лояльность по отношению «к своим», верность самому себе («я таков, каков я есть», «ничто меня не изменит» и т.п.) и другим клишированным диспозициям, то в рационализирующейся морали они могут выглядеть как проявление негибкости и даже глупости» [9, 14].

Моральные ценности и правила традиционной нравственности также не являются монолитными, они по-своему дифференцированы. Однако их неоднородность отражает вертикальную социальную стратификацию традиционного общества. Появление малых нормативно-ценностных систем предполагает иной принцип дифференциации. Она привязана не к специфике социальных слоев с их субкультурами, а к специфике тех или иных практик, или сфер, человеческой деятельности, которые способствуют общественному благу и, вместе с тем, создают опасность нарушения прав человека. Всегда незавершенные перечисления таких систем в книге В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, а также в индивидуальных книгах В.И. Бакштановского различны: «нормативно-ценностные системы политики, воспи-

тания, бизнеса, образования, журналистики, гражданского общества» [9, 75]; «этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика» [6, 140]; «бизнес-мораль, университетская мораль, политическая, журналистская мораль и т.д.» [7, 30]; «этика бизнеса, этика инженера, этика гражданского участия, журналистская этика, биоэтика, университетская этика, экологическая этика и т.п.» [7, 40]. Несмотря на то, что средой формирования всех этих малых систем и субъектом, который их «изобретает», оказывается гражданское общество, этика гражданского общества обозначена в качестве одной из таких систем, что, конечно, требует специального обсуждения и уточнения.

Хотя переход к использованию двух понятий вместо одного: 1) малые, в нашем случае – профессиональные, моральные системы (профессиональные морали) и 2) соответствующие им частные этические теории (профессиональные этики), имеет свои преимущества в отношении строгости и точности теоретического языка, он не лишен недостатков. С одной стороны, такой переход потребовал бы пересмотреть устойчивую языковую конвенцию. Ведь именно в области профессионально определенных практик слово «этика» чаще всего употребляется так, что однозначность его связи с познавательной деятельностью, с усилиями теоретиков по постижению сути каких-либо феноменов отсутствует. Исследователи, пытающиеся упорядочить смысл известной триады «этика, мораль, нравственность», всегда отмечают эту особенность словоупотребления. Например, Р.Г. Апресян замечает, что этика исходно понималась как моральная философия и в наши дни преимущественно понимается как теория, предмет которой является практика «выбора, принятия решения, действия, (само)оценки, рефлексии, переживания вины, раскаяния, совершенствования и т.д.». Однако то же самое слово используется (причем «все шире используется») для обозначения «особых, специальных принципов и ценностей, нередко систематизированных и кодифицированных (т.е. выраженных в кодексе) – в форме систем профессиональной, корпоративной или организационной нравственности» [3, 20]. Если вести речь непосредственно о профессиональной этике, то, вновь пользуясь формулировками Р.Г. Апресяна, «в общественных дискуссиях и специальной литературе преобладает использование [этого] термина... для обозначения *всего* (*курсив мой – А.П.*) комплекса явлений, связанных с моральным регулированием профессиональной деятельности и осмыслением этих процессов... В случае этики конкретной профессии название может совпадать с названием раздела прикладной этики, которая ее изучает. Например, «этика учителя» – это, с одной стороны, моральные нормы, регули-

рующие деятельность учителя, а с другой – раздел прикладной этики, в котором исследуется моральное регулирование деятельности учителя; «инженерная этика» – это, с одной стороны, нормы должного осуществления инженерной деятельности, а с другой – специальное прикладное знание, предметом которого является этика инженера и этические проблемы инженерной деятельности» [3, 314].

Однако дело не только в инерции словоупотребления, но и в самой специфике теоретического знания о малых нормативно-ценностных системах, то есть о содержании норм и ценностей также и в специфике механизмов морального регулирования поведения тех людей, которым это содержание вменяется в качестве долга или предложено в качестве идеала. Такое знание не может быть простой реконструкцией того или иного стихийно складывающегося этоса или его исторической динамики, оно является фактором его воспроизводства и трансформации. Исследователь малой нормативно-ценностной системы не дистанцирован от предмета своих исследований в той же мере, в какой может быть дистанцирован исследователь природных и даже социальных процессов.

Профессиональная этика в первом смысле этого слова – совокупность нескольких малых нормативно-ценностных систем и во втором – совокупность их теоретических отображений не могут соотноситься так, как соотносятся собой природа и естествознание. Этика в любых своих проявлениях более или менее точно воспроизводит аристотелевское сближение между «знать, что такое добродетель» и «стать добродетельным» [4, 79]. Профессиональная этика в этом отношении не исключение, а не что иное как яркий пример соблюдения правила. Исследование, направленное на уточнение нормативной основы этического регулирования профессий, на прояснение институциональных, коммуникативных и индивидуально-психологических его механизмов, призвано способствовать эффективной работе последних, то есть тому, чтобы определенная профессия, в конечном итоге, лучше выполняла свое социальное назначение (миссию), чтобы деятельность профессионалов, их сообществ не выходила за пределы моральных ограничений и вносила максимальный вклад в приведение общественной жизни в соответствие с моральными императивами.

Профессиональная этика как академическая дисциплина не просто удовлетворяет познавательный интерес исследователей и служит «полигоном» для проверки теоретических и нормативных положений (пространством верификации для теоретической и нормативной этики), но и обращается к самим профессионалам, учреждающим правила собственной деятельности, а также к обществу,

которое заинтересовано в получении наибольших выгод от существования профессионально определенных практик. Естественно, что общество понимается при этом не как некая тотальность, коллективная личность с заведомо известными и строго упорядоченными потребностями и предпочтениями, но и как совокупность множества стейкхолдеров, которые вовлечены в процесс обсуждения общественно значимых решений и институционального дизайна. Общее или общественное благо выступает в большинстве случаев как аббревиатура для результатов этого процесса, хотя некоторые ценностные ориентиры могут быть очевидны вне такой коммуникации.

В.И. Бакштановский подчеркивает эту специфику профессионально-этического знания с помощью определения «проектно-ориентированный». «Познание малых систем» является, в соответствии с его формулировкой, «проектно-ориентированным», поскольку оно подчинено «задаче их развития, в том числе через конструирование инфраструктуры “малых” систем (институций экспертизы, принятия и исполнения решений, этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций, создание этических документов), разработку технологий связи этического знания с моральной практикой и т.д.» [6, 184]. Да, оно является именно таким, и поэтому мне представляется, что нет необходимости в коррекции устойчивого словоупотребления. В случае с «этикой учителя», понимаемой как «моральные нормы, регулирующие деятельность учителя», и «этикой учителя», понимаемой как «исследование морального регулирования деятельности учителя», имеет место не только «совпадение названий», но глубокое единство и взаимная зависимость самих феноменов, что и отражается на уровне терминологии.

Профессиональное и прикладное

Для того, чтобы получить ответ на вопрос о природе профессиональной этики, важно определиться с тем, какое место она занимает на общей карте морали, среди различных форм морального регулирования и морального ориентирования поведения людей. Если использовать терминологию В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, будучи особой частью мира малых нормативно-ценностных систем, она соотносится с другими подобными ей частями и с моралью в целом? Или будучи познанием части этого мира, она соотносится с этическими дисциплинами, исследующими другие подобные части, и с этикой в целом? Этическая теория стремится к разрешению этих проблем в силу того, что она пытается сформировать целостное видение морали в разных ее ипостасях и проявлениях. Моральная практика (во всяком случае, в ее рефлексивных и сознательно конструируемых формах) также нуждается в их разрешении, поскольку это

способствует устранению ее девиаций и перекосов, обретению ею соответствия своей природе и своему назначению. О существовании таких потребностей моральной практики свидетельствуют запросы профессиональных сообществ на помощь со стороны специалистов-этиков при решении задач первичной институционализации профессиональной этики или дальнейшего развития ее институтов. Похожие запросы возникают и у организаций, в том числе, организаций, относящихся к сфере бизнеса (корпораций, фирм и т.д.) Их обращение к услугам специалистов по этике имеет как внутренние причины, так и причины, связанные с вниманием к моральному измерению их деятельности со стороны общества в целом и различных активистских групп.

В качестве более общего по отношению к профессиональной этике понятия часто применяются термины «практическая этика» и «прикладная этика». Некоторые теоретики пытаются провести между ними какие-то значимые разграничения, некоторые рассматривают в качестве синонимов, наконец, есть и те, кто предпочитает один или другой из них. У обоих терминов есть свои недостатки. Когда понятие «практическая этика» применяется в отношении особого рода теоретической дисциплины, возникает та трудность, что этика, имеющая дело с должными и ответственными поступками, изначально и целиком ориентирована на практику. Ее не без оснований называют «практической философией», и в этой связи возникает странное тавтологическое определение обсуждаемой дисциплины: «практическая часть практической философии». В качестве обозначения для самих малых нормативно-ценностных систем понятие «практическая этика» является еще более сомнительным. Преобладающее словоупотребление даже не позволяет использовать его в этом качестве.

Что касается понятия «прикладная этика», то сомнения в его применимости связаны с другими обстоятельствами. Прежде всего, с тем, что это понятие не только указывает на определенный предмет (набор ценностей и норм, механизмы их реализации и т.д.), но и содержит в себе представление о его сущности, то есть не является нейтральным по отношению к выводам исследований, направленных на его теоретическое отображение. Понятие «прикладная этика» подразумевает, что в малых нормативно-ценностных системах имеет место именно приложение чего-то общего к чему-то частному, конкретному, или хотя бы проекция чего-то неспециализированного на что-то, обладающее определенной спецификой. Хотя эти два элемента (прикладываемый предмет и точка его приложения) могут трактоваться в познавательных категориях («идея наложения – аппликации философского этического знания на практические проб-

лемы» (В.И. Бакштановский) [6, 54], более перспективным вариантом понимания прикладного характера прикладной этики является тот, который касается самих ценностей и норм (такое описание тоже присутствует у В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова см. ниже). Тогда следует предположить, что в этой сфере предельно общее, неспециализированное содержание морали конкретизируется и приспособливается к особенностям и запросам общественной практики в целом и конкретных видов практической деятельности, трансформируясь в ходе такого приспособления. Сомнения теоретиков вызывает сама по себе идея приложения (проекции, конкретизации, приспособления, наложения и т.д.), поскольку система моральных ценностей и норм, в конечном итоге, может оказаться такой системой, в которой общее содержание – результат обобщения конкретных норм и ориентиров поведения и в силу чего играет заведомо вторичную роль, а все существенное происходит именно на уровне введения или переосмысления ценностно-нормативной конкретики.

К этим сомнениям я еще вернусь, а сейчас хотел бы обсудить вопрос о том, какое содержание может рассматриваться как «прикладываемое» в сфере прикладной этики. Интересный пример разброса ответов на этот вопрос предоставляет монография В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова. В упомянутом историко-культурном нарративе из этой работы прикладываемое или конкретизируемое содержание отождествляется с естественной (традиционной) нравственностью (хотя и с важной оговоркой про ее универсализацию): «Универсализм... впитывая через множество опосредований все противоречивое богатство локального развития нравственности, прокладывая нелегкие пути к формированию всевозможных *приложений* народной нравственности» [9, 14]. В других фрагментах книги это содержание ассоциируется с «моральным феноменом», который включает «широкий круг логико-грамматических и ценностных форм», в том числе «народную нравственность» [9, 9–23]. Есть также пассажи, в которых внутри «алгоритма приложения»: «что?», «к чему?», «каким образом?», ответом на вопрос «что?» является общественная мораль: «Общественная мораль прикладывается к определенным сферам и видам человеческой деятельности» [9, 57]. Существенной оговоркой при этом является признание того, что общественная мораль не представляет собой что-то внеисторическое или древнее по времени возникновения, то есть предзаданное и предшествующее своему приложению и сопутствующей ему сегментации нормативного поля морали. Она – продукт довольно позднего процесса, в ходе которого формируются как то, что прикладывается, так и то, что появляется в результате приложения.

Но наиболее проработанный ответ на вопрос о прикладываемом или конкретизируемом ценностно-нормативном содержании связан в книге с «рациональной» или «рационализируемой» моралью, возникающей в западной культуре в эпоху Нового времени. Специфика этой морали состоит в том, что она «выражает не столько дух беззаветной любви к ближнему (симпатия, великодушие, сострадание и т.п.), сколько уважение к Другим как к Лицам – оно притязательно и его отсутствие без серьезных причин вызывает обоснованный нравственный протест. Рациональная мораль требует не добродетели, а долженствования, ответственности и беспристрастности». При этом конкретизация «рациональной морали» понимается авторами не упрощенно, по образцу логического вывода, а как настоящая реконфигурация моральных ценностей и норм, изменение способов взаимодействия морали с другими способами регуляции поведения: правовыми, административно-организационными, праксеологическими, а также со «всевластным обычаем» [9, 60].

Мне понятна интенция, породившая и этот разброс ответов на вопрос «что [прикладывается в прикладной этике]?», и настойчивые предостережения от упрощенного понимания сути малых нормативно-ценностных систем, в том числе профессиональных. Эта интенция связана со взглядом на них историка культуры или философа, для которого результаты генеалогических исследований морали являются актуальным вызовом, требующим постоянного ответа. Постоянного, то есть присутствующего в его рассуждениях вне зависимости от того, какие проблемы он в данный момент решает. Однако мне представляется, что такой вызов актуален прежде всего для реконструкции истории морального сознания и моральной практики на длинных исторических дистанциях, для споров о том, имеет ли место и в чем состоит моральный прогресс, отчасти – для построения долгосрочных прогнозов, касающихся судьбы наших наиболее глубоких нормативных убеждений (моральной футурологии). Но если мы обсуждаем профессиональную этику в ее нынешнем состоянии и в перспективе ближайших (обозримых) изменений, то некоторые свойства морали должны быть приняты в качестве данности, в качестве таких свойств, которые инвариантно характеризуют ее для человека современной культуры.

Можно было бы сказать, что для нашего современника мораль изначально выступает в качестве обрисованной В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым «рациональной морали», если бы анализ общераспространенных нормативных убеждений не показывал, что мораль «уважения к Другим как к Лицам», которое, кстати, также есть форма желания блага другому, представляет собой лишь часть сис-

темы таких убеждений, что необходимость благожелательного или заботливого отношения к другим остается неотъемлемым элементом содержания морали и т.д. (о теоретическом образе морали, на который опирается это мое рассуждение см. подробнее: [1]). В этике продолжают споры о том, как ценность заботы должна быть представлена среди оснований социально-политической жизни в целом и отдельных общественных практик. Есть даже целые концепции социальной этики, которые построены на основе тезиса, что выпадение этого ценностного ориентира из поля зрения политиков и участников общественных дискуссий создает огромное слепое пятно, то есть делает базовые социальные институты нечувствительными ко многим аспектам уязвимости членов общества [16, 17].

В целом, можно сделать вывод, что если этическая рефлексия призвана отвечать на потребности и запросы тех людей (сообществ), которые пытаются обнаружить или сконструировать систему моральных регуляторов для своих специализированных видов деятельности, то идея конкретизации (проекции, приложения, адаптации) обобщенного содержания морали или общественной морали вполне органична для решения этой задачи, а широкий историко-культурный контекст формирования малых нормативно-ценностных систем вполне может быть вынесен за скобки. Решая упомянутую задачу, важнее не сформировать и удержать в поле зрения генеалогическую картину, а понять, как происходит «сцепление» общеморальных ценностей и норм с ценностями и нормами малых систем, а главное – как происходит сцепление общеморальных мотиваций с моральными, которые определяют поведение представителей конкретных видов деятельности. Для участников некоей практики, прибегающих к помощи теоретика (специалиста по прикладной этике), образ нисхождения морального идеала в область институционализированных и иерархизированных отношений между людьми в сферу той или иной деятельности, которая нацелена на достижение частных, но при этом общественно значимых задач, не только вполне приемлем, но даже является наилучшей точкой отсчета для осмысления, оценки и коррекции стихийно складывающегося этоса.

Как же тогда относиться к сомнению в том, что малые нормативно-ценностные системы вообще следует мыслить по модели приложения, тому сомнению, которое возникало в связи с предположением, что все самое важное в этой сфере происходит на уровне низового нормотворчества? Мне кажется, что у этого сомнения есть определенные основания, но они недостаточны для признания модели приложения ошибочной, а образа нисхождения идеала – видимостью. Их силы хватает лишь для того, чтобы ввести к этому образу

определенные поправки. Необходимо отдавать себе отчет в том, что нисхождение морального идеала в область социальной практики в целом или конкретных частных практик не может осуществляться на априорной или дедуктивной основе, что для его осуществления недостаточно соединить между собой знание моральных ценностей и норм со знанием о том, какие цели преследует практика, какие средства их достижения в ней используются, каковы ограничения этих средств, связанных с психологией человека или возможностями социальных институтов. Такого рода дедукция тоже нужна, но она может задать лишь предельно общую рамку обсуждения какого-то этоса и не более того.

Почему дело обстоит именно так? Прежде всего потому, что и ценности, и нормы морали не имеют такой степени упорядоченности, чтобы можно было провести обсуждаемую дедукцию в ее полноте. Ценностно-нормативное содержание морали приобретает упорядоченность лишь в отношении конкретных практических контекстов и посредством нахождения временных равновесий.

Иерархизированные системы ценностей и норм, позволяющие говорить об их приоритете по отношению друг к другу или об оправданном обмене реализации одних на реализацию других, возникают в сложном процессе бессознательного и сознательного нормотворчества сообществ. Такие системы формируются спонтанно или устанавливаются участниками специально организованных дискурсивных процессов (процедур), в ходе которых вырабатываются конкретизированные ориентиры поведения. Они возникают в ходе создания сообществами нарративов, касающихся образцовых или недопустимых поступков. Они зависят от выбора личностей, которые служат ориентирами или камертонами для большинства представителей сообщества [11]. Кроме того, далеко не все проблемы, которые требуют нормативного регулирования, очевидны для теоретика, который мыслит абстрактно и смотрит на жизнь сообщества со стороны. Нормативные проблемы встают перед самими участниками практики, непосредственно переживаются ими, хотя бы в виде неудобств и негативных моральных эмоций, что, конечно, не исключает возможности содействия более точному артикулированию этих проблем со стороны теоретика.

В этом смысле очень ценным является представление об «инновационном» характере прикладной этики, предложенное В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым. Получаемое этой дисциплиной знание формируется через участие теоретиков в развитии малой нормативно-ценностной системы, в том числе в формировании конвенций, которые нельзя обосновать в качестве незыблемых, вечных

императивов, но которые являются ответом на моральные проблемы конкретной практики (см.: [6, 7, 8, 5]).

Однако я бы воздержался от употребления понятия «инновационная парадигма прикладной этики», равно как и противоположного понятия – «инерционный сценарий развития прикладной этики», по сути, парадигма приложения. Одна причина в том, что я не вижу фундаментальной противоположности между инновационностью и приложением. Представление о приложении, проекции, конкретизации ценностно-нормативного содержания морали задает общую рамку, обеспечивает сохранение связи малых систем с моралью как таковой (на мой взгляд, мораль проявляет себя образцово в непосредственных институтах и специализированными социальными ролями межличностных отношениях). Если оставить только этот «дедуктивный» элемент, прикладную этику ожидает провал (о причинах которого см. выше). Но если оставить одни лишь ситуативные инновации, возникающие в результате консультационной и проектной работы специалиста по прикладной этике с представителями сообществ, то это также чревато провалом. Другая причина в том, что вся прикладная этика, стоящая того, чтобы ею заниматься, должна иметь инновационный характер. Я усматриваю в применении понятия «парадигма», в основном, полемически заостренный способ продемонстрировать это обстоятельство (аргументы В.И. Бакштановского против такого прочтения его центральной идеи и базовой терминологии см.: [8, 211–213]).

Некоторые другие особенности использования В.И.Бакштановским и Ю.В.Согомоновым идеи конкретизации морали в малых нормативно-ценностных системах кажутся мне менее перспективными, чем подчеркивание роли нормативных и инфраструктурных инноваций в области прикладной этики. Такая конкретизация в некоторых случаях мыслится ими как своего рода «снятие» или «преодоление» того обобщенного содержания морали, которое конкретизируется в виде малых систем. Это «снятие» или «преодоление» не является полным, обобщенное содержание морали остается действенным и само по себе, но в современном обществе оно оказывается маргинализированным – «оттесняется на периферию общественной жизни». «Моральные абсолюты» или «моральные ценности абсолютного ранга» являются для авторов не постоянно воспроизводящейся основой конкретизации, а «неконкретизированным остатком морали». Они «остаются навигационными огнями, непререкаемыми ориентирами-регулятивами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, коммун, приходов» и лишь в форс-мажорных обстоятельствах (войны, техногенные аварии, стихийные бедствия)

«смещаются от периферии к эпицентрам нравственной жизни и вновь являют всю мощь и духовную красоту своей категоричности» [9, 109].

Такая модель, на мой взгляд, имеет несколько недостатков. Во-первых, она создает искаженное представление об обобщенном, абсолютном содержании морали. Последнее прямо отождествляется в книге с ценностями «гуманности и справедливости»: «миссия морали [как таковой] – “очеловечивать” социум», а смысл существования сегментированной и конкретизированной «рациональной морали» состоит в том, чтобы прагматическая рациональность отдельных практик не отрывалась от «гуманности и справедливости». Но эти две предельно общих, абсолютных ценности, конечно, не являются «ориентирами-регулятивами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп».

Во-вторых, она разрывает единство морали и безнадежно партикуляризирует ее. Превращение моральных абсолютов в «неконкретизированный остаток морали», замыкает каждую малую систему в себе самой и блокирует процесс «преодоления оторванности... разума от гуманности и справедливости» [9, 107]. В-третьих, эта модель создает существенные затруднения для инновационного подхода к прикладной этике или проектно-ориентированного подхода к профессиональной. В эти подходы изначально интегрировано соотношение особенностей частных практик с гуманностью и справедливостью. Моральные проблемы таких практик могут идентифицировать только люди, обладающие общеморальной чувствительностью, универсализованной эмпатией и чувством справедливости. Эти способности (а они привязаны к общеморальным ценностным ориентирам) совсем не периферийны для «общественной жизни» и совершенно необходимы для развития малых нормативно-ценностных систем. В-четвертых, в той сфере, где авторы обнаруживают «десегментацию морали», а это область чрезвычайных ситуаций, мы сплошь и рядом обнаруживаем: а) специализированные практики и даже профессии, связанные с минимизацией вреда; б) трансформацию общеморальных императивов, определяющих поведение людей в условиях нормальности, в сторону их деабсолютизации (введение исключений из правил, иное отношение к нарушению индивидуальных прав и т.д. и т.п. (см. подробнее: [18, 14]).

В чем же состоит специфика профессиональных этик по сравнению с другими малыми нормативно-ценностными системами? Прежде всего в том, что практика, которую они регулируют – это вид трудовой деятельности, а не решение какой-то общественно значимой проблемы силами специалистов разного профиля и на основе

разных форм координации коллективных усилий (от самоорганизующихся общественных движений и ассоциаций до государственных и надгосударственных международных институтов). В этом смысле я считаю важным предложенное Р.Г. Апресяном разграничение между профессионально и предметно определенными видами деятельности, или практиками (можно сравнить для примера этику контроля над климатическими изменениями или этику освоения космоса с этикой врача или юриста) [2]. Между ними нет пропасти и существует пространство, заполненное сложными промежуточными явлениями: этика профессий формируется не только самими профессионалами, в процессе ее формирования принимают участие гражданское общество и государство; возникающие в ней проблемы имеют высокую общественную значимость и часто не могут быть решены усилиями самих профессионалов или профессионалов, которые принадлежат лишь к одному сообществу и т.д. Однако на уровне отчетливо выраженных полюсов и наиболее типичных феноменов специфика очевидна.

Специфика профессиональных этик определяется не только тем, что каждая из них связана с каким-то определенным видом трудовой деятельности, но и тем, что конституирующая ее трудовая деятельность имеет именно профессиональный характер. За профессионально-этическими требованиями и механизмами их внедрения в практику стоит феномен профессионализма – особой формы организации труда, отличающейся от рынка и бюрократического управления. Его специфика задана следующими факторами. Профессионал (врач, юрист, инженер и т.д.), опирающийся на недоступное обычным людям знание, которое касается его специальности, должен быть человеком, заслуживающим доверия общества и клиентов. Это же требование воспроизводится в связи с тем, что профессионал применяет свое знание в ходе принятия уникальных решений по поводу уникальных ситуаций и, значит, нуждается в предоставлении ему высокой степени самостоятельности (индивидуальной автономии). Автономный специалист наиболее результативен, но он и наиболее «опасен» в смысле потенциального злоупотребления доверием клиентов. Доверие клиентов и общества к профессионалу обеспечивается силами саморегулирующегося (автономного) профессионального сообщества, которое выдвигает нормативные стандарты, стремится сформировать у своих членов представления о профессиональном долге, призвании и служении обществу (человечеству), поддерживает институт репутации, а также обеспечивает контроль над качеством трудовой деятельности с помощью особых процедур, построенных на основе горизонтальной оценки со стороны равных.

Профессиональное сообщество является не только формой самоорганизации профессионалов, но и бастионом, который защищает профессиональный этос от размывания и атрофии (о связи профессиональной этики и феномена профессионализма см. подробнее: [19, 15, 9, 6, 7, 10]). Так как профессионалы в большинстве случаев работают в иерархизированных организациях, то они часто попадают под давление бюрократических структур этих организаций, требующих от них тех или иных компромиссов в этической сфере. В подобных случаях обращение профессионала к этическим декларациям сообщества, а также прямая опора на поддержку последнего для защиты своей автономии и возможности полноценно исполнять профессиональный долг являются важными способами противостояния бюрократическому давлению.

Образовательное измерение профессиональной этики

На основе представленной выше краткой характеристики феномена профессионализма можно сделать вывод, что задачи профессионального сообщества носят, том числе, образовательный или воспитательный характер. Сообщество транслирует своим членам определенные ценностные установки и стремится сделать их как можно более устойчивыми. Частью этого процесса является базовое профессиональное образование, в котором профессиональная этика преподается в виде отдельных курсов, но присутствует также в качестве неустрашимого фона преподавания других дисциплин, касающихся разных аспектов той или иной профессиональной деятельности. Если вести речь о преподавании профессиональной этики как отдельного курса, то оно соединяет ознакомление студентов с самой по себе ценностно-нормативной основой их профессиональной практики и формирование у них представления о том, какую роль профессионализм играет в обществе, а профессиональная этика – в деятельности полноценного профессионала. Преподаватель профессиональной этики выстраивает обоснование тезиса, что без постоянного внимания к ценностным ориентирам и нормативным ограничениям своей профессии нельзя состоять в качестве врача, юриста, инженера и т.д. С этим связано то обстоятельство, что преподавание профессиональной этики, хотя и не сводится к передаче знания, которое складывается в соответствующем специализированном разделе этической теории, обязательно включает такую передачу. В этом нет какого-то парадокса, поскольку перед нами знание, изначально приспособленное к решению «воспитательных» задач. В терминах В.И. Бакштановского этот тип теоретизирования представляет собой «слабую версию» теории, в которой: «(а) ценностные компоненты теории пребывают не на периферии знания и, тем более, не

на подступах к нему, а в его центре; (б) переплетаются процессы производства знания и его потребления; (в) знание характеризуется обращенностью к единичному объекту-субъекту и является не абстрактно-всеобщим, а конкретно-общим; (г) теория обладает свойством демонстрируемости и «рецептурности», что позволяет выйти за пределы противопоставления «наука-искусство» и вместе с тем, за границы обыденного знания» [6, 182].

Кто является оптимальной фигурой для передачи такого знания: тот, кто занимается его получением (этик) или тот, кто принадлежит к конкретному профессиональному сообществу или, хотя бы, преподает связанные с профилем этого сообщества дисциплины? В каждом случае есть свои «за» и «против». Но на практике этот вопрос решается на основе мало имеющих к ним отношения прагматических обстоятельств и раскладов локальной академической жизни. Именно такие обстоятельства и расклады дважды превращали меня самого в преподавателя профессиональной этики студентам разных специализаций. Далее я хотел бы обратиться исключительно к этому своему опыту, не пытаясь анализировать и обобщать опыт образовательной практики в области профессиональной этики в целом или опыт саморефлексии вовлеченных в нее преподавателей (хотя это, конечно, очень важная задача, ждущая своих исполнителей).

Мне довелось разрабатывать, а потом преподавать курс «Профессиональная этика» для студентов-психологов. Большая часть аудитории этого курса планировала стать психологами-консультантами в организациях или заниматься консультированием населения в специализированных центрах либо в частном порядке. Это был первый случай преподавания профессиональной этики. Кроме того, я довольно долго вел курс «Этика образования» для будущих и отчасти практикующих школьных учителей и работников дошкольных учреждений. Значительная часть работы на этом курсе была посвящена именно этике этих профессий. Таков второй случай.

В обоих случаях структура курса или части курса, посвященной профессиональной этике, была практически идентичной, хотя содержание, касающееся конкретики профессий, естественно, существенно варьировалось. В теоретическом блоке были представлены те отправные положения, которые содержатся в предыдущих разделах этой статьи, но без развернутого полемического контекста и с более подробной презентацией материала о феномене морали и особенностях профессиональной практики (в последнем случае основой анализа была концепция профессионализма Э. Фрайдсона). Если более подробно, студенты узнавали, что такое мораль и моральные ценности, каковы эмоционально-психологические, коммуникативные

и социально-институциональные механизмы реализации последних. На основе обсуждения простых примеров они актуализировали свою моральную чувствительность в части таких установок в отношении другого человека как ненавреждение, помощь в нужде, правдивость, распределительная честность, забота. Затем они получали представление об идеально-типической модели профессионализма и зависимости успешного функционирования профессионально определенных практик от моральных убеждений их участников. Центральное место в этой модели занимают профессиональная автономия, профессиональный долг (призвание) и профессиональная репутация. Тем самым была задана оптика, в которой рассматривались далее этические идеалы и нормы конкретной профессии. Ценностно-нормативное содержание и той, и другой профессии предъяснялось как в обобщенном виде (для этого раскрывалась необходимость тех или иных требований в свете конкретизации морали применительно к работе учителя или психолога-консультанта), так и в виде утвержденных соответствующими сообществами формулировок (формулировок из разных этических документов, в том числе зарубежных и международных).

Практический блок обоих курсов можно рассматривать как своего рода профессионально-этический тренинг. Овладение культурой профессионально-этической оценки предполагает возникновение у будущего профессионала двух способностей: а) способности к автоматической негативной реакции на очевидные случаи нарушения профессионально-этических принципов и б) способности к выявлению и разрешению сложных, двусмысленных или дилемматических ситуаций. Во втором случае к разрешению этической проблемы может привести только развернутое моральное рассуждение, погруженное в глубоко индивидуализированный ситуативный контекст. Важной профессионально-этической компетенцией специалиста является то, что он не рассматривает простые, рутинные случаи потенциальных нарушений этического кодекса своей профессии как повод для раздумий и, одновременно, способен опознать сложные случаи и этические дилеммы в качестве реальных, объективных затруднений, требующих специальных интеллектуальных усилий и принятия на себя ответственности за непредсказуемый исход ситуации.

Для формирования этой компетенции применялся метод ситуационного анализа (другое устойчивое наименование – профессионально-этические case-studies). Как правило, опыт студента, связанный с будущей профессией, слишком беден для того, чтобы в ходе преподавания профессиональной этики можно было бы полноценно опираться именно на него. Выходом в этом случае является проду-

мывание, вернее – проигрывание в воображении, переживание и осмысление тех ситуаций, которые складывались в профессиональном опыте других специалистов. В силу этого на лекциях и семинарах использовался банк случаев, привязанных к каждому из частных требований этического кодекса той профессии, которую осваивают студенты. Некоторые учебные группы были неоднородны в части профессионального опыта (уже работающие студенты встречались как на очном, так и, естественно, на заочном отделении). Это позволяло опираться на случаи, с которыми они сталкивались лично. Но даже в таких группах работа без готового банка была бы неэффективной, поскольку в него входят случаи, точно соответствующие решаемой педагогической задаче.

Для формирования автоматических реакций будущего профессионала на потенциальные нарушения профессиональной этики ключевую роль играют: а) активизация деятельности сопереживающего воображения; б) апелляции к моральному чувству и нравственному здравому смыслу; в) обращение к общественной роли (миссии) профессии и к идеалу профессионального служения, верность которому входит в само определение профессионализма. Работая с простыми кейсами, студенты к завершению курса накапливали значительный опыт мысленного вхождения в стандартные ситуации потенциальных нарушений профессиональной этики. В своем воображении они многократно затормаживали те мотивации, которые ведут к неэтичному поведению, и многократно сталкивались с теми психологическими обстоятельствами, которые превращают нарушение в норму или делают его невидимым для профессионала. Здесь, кроме кейсов, важны результаты психологических исследований, раскрывающих механизмы возникновения слепых пятен в моральном опыте в целом и в профессиональной практике [20]. Знание таких «слабых мест» позволяет укрепить их, эффективней противостоять искушениям и инерции безразличия. Конечно, эту работу можно назвать ситуативным анализом лишь условно, поскольку аналитический момент проявляется в ней лишь в том отношении, что стандартные ситуации требуют соотнесения с ценностями, принципами и отдельными нормами профессиональной этики.

Ситуационный анализ в собственном смысле этого термина применялся для обучения будущего профессионала умению обнаруживать замаскированные нарушения этического кодекса, разрешать неопределенные в нравственном отношении случаи профессиональной практики и выходить из ситуаций, которые включают в себя этическую дилемму. Подобный анализ предполагает понимание того, что отдельные этические нормы могут сталкиваться между собой, и

это требует установления их ситуативной иерархии. Выявление приоритета какого-то из принципов опирается на общие ценности профессии, связанные с ее предназначением. Кроме того, ситуативный анализ оказывается необходим тогда, когда артикуляция норм в кодексе является или недостаточно ясной, или недостаточно гибкой. Тогда анализ ситуации автоматически превращается в средство уточнения нормативного содержания какой-то профессиональной этики.

В обоих курсах анализ сложных профессионально-этических ситуаций был включен в планы практических занятий и выступал в качестве важной части отчетности студента. На практических занятиях подвергались анализу предложенные мною случаи, в которых нарушения профессионального кодекса оказываются неочевидными в силу того, что для их корректной оценки требуется использовать сложное сочетание разных требований. К итоговой отчетности каждый студент готовил анализ выбранной им самой ситуации, относящейся к одной из основных сфер деятельности психолога или учителя (конкретную сферу я предлагал сам на случайной основе). Источником могла быть собственная практика, практика знакомых, описания случаев, содержащихся в сети Интернет, и даже собственное воображение студентов. Подготовленный в виде учебно-исследовательской работы ситуационный анализ включал следующие стандартные компоненты: 1) нарратив ситуации; 2) нормативную (или нормативно-теоретическую) основу анализа; 3) оценку ситуации в свете требований профессиональной этики, выявление поведенческих альтернатив, имеющихся у задействованных в ней лиц; 4) рекомендации, касающиеся непосредственно поведения – профессионалов, культурного и институционального контекста профессиональной практики, или способов языкового оформления нормативного содержания профессиональной этики.

Одним из наиболее интересных наблюдений, возникших в ходе параллельного преподавания двух курсов по разным отраслям профессиональной этики, стала реакция аудитории на предложенную мной общую рамку или оптику, в которой следует рассматривать моральные ценности и нормы профессии, и то, насколько разной она была. Напоминаю, что она предполагала определенную последовательность: мораль – социальное назначение (миссия) профессии – автономия отдельного профессионала – автономное саморегулирующееся сообщество – профессиональный долг и профессиональное призвание индивида – профессиональная репутация. Для учителей (особенно тех, кто уже имел опыт работы) эта последовательность казалась привлекательной, но имеющей мало отношения к реальности. Они с готовностью включались в игру «давайте рассматривать

себя в качестве классических профессионалов, входящих в живое и активное сообщество», но постоянно подчеркивали, что играют. Упоминание о ведущей роли в регулировании поведения профессионалов института репутации и опасений понести репутационные потери вызывало скепсис. Однако обсуждение связи между выполнением этических требований и профессиональной эффективностью воспринималось как разговор по существу. Проекция моральных ценностей в область учительского труда, порождающая дополнения к общечеловеческой морали, воспринималась как нечто вполне реальное и обоснованное (если, конечно, перед этим студент выражал твердую уверенность в приоритетной и универсальной значимости таких ценностей). Однако опосредование этой проекции задачами и потребностями профессионального сообщества представлялось чем-то факультативным или надуманным. Разница между профессиональной этикой и этикой трудовой добросовестности не воспринималась как существенная. В этом отношении дополнительные затруднения создавала необходимость обсуждать созданный Министерством образования РФ модельный кодекс этики (он, собственно, и построен как кодекс трудовой добросовестности (анализ кодекса см.: [12]).

В случае с будущими и начинающими психологами-консультантами отклик на предложенную мной общую картину профессиональной этики был более позитивным. Что-то в приведенной выше последовательности элементов воспринималось как само собой разумеющееся, что-то как дополнение к их собственным представлениям. Аудитория хорошо понимала напряженность, которая существует между профессиональным долгом и профессиональной репутацией, с одной стороны, и выполнением распоряжений внутри служебной иерархии – с другой. Во всяком случае статья 4.2. кодекса Российского психологического общества воспринималась ими как важный практический инструмент. А она гласит: «При приеме на работу Психолог должен поставить своего работодателя в известность о том, что в пределах своей компетенции он будет действовать независимо и для него невозможно выполнение непрофессиональных требований или требований, нарушающих данный Этический кодекс. При приеме Психолога на работу работодатель должен получить текст данного Этического кодекса» [13]. И сам этот кодекс в целом был хорошим подспорьем в работе.

Разное восприятие идеальной модели профессионализма и основанного на ней понимания природы профессиональной этики двумя этими контингентами студентов имеет объективные основания. Во-первых, в своей чистоте этот идеал соответствует именно деятельности объединенных в ассоциации профессионалов, которые зани-

маются частной практикой, или профессионалов, работающих в организациях, которые исторически выступают в качестве опоры для самоуправляющихся сообществ (таким с определенной долей условности может быть назван университет, немыслимый без академической свободы в разных ее пониманиях). Школа или дошкольное образовательное учреждение изначально представляют собой организации иного типа. Здесь жизнь сообщества внутри организации сталкивается с серьезными препятствиями. Во-вторых, история советской, особенно постсоветской школы способствовала размытию профессионально-этического идеала. Глубокая персональная идентификация с социальным назначением (миссией) профессии и переживание индивидуального призвания играли и играют свою роль, но чувство принадлежности к уважаемому сообществу (основа института репутации) не являлось и не является сколько-нибудь интенсивным. То место, которое занимает профессия школьного учителя на российской карте престижных и уважаемых видов трудовой деятельности, явно не способствует формированию духа корпорации. Соответственно, индивидуальные представления о профессиональном долге и призвании легко превращаются в средство манипуляции учителями и даже их эксплуатации внутри иерархизированного и бюрократизированного образовательного учреждения.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г., Артемьева О.В., Прокофьев А.В.* Феномен моральной императивности: критические очерки. М.: ИФ РАН, 2018.
2. *Апресян Р.Г.* Прикладная этика: традиция, предтечи, прецеденты // *Ведомости прикладной этики.* Вып. 50. 2017. С. 41–50.
3. *Апресян Р.Г.* Этика: учебник. М.: КНОРУС, 2017.
4. *Аристотель* Никомахова этика // *Аристотель* Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
5. *Бакштановский В.И.* На пути к инновационной парадигме: становление Товарищества «Прикладная этика» В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова // *Этическая мысль.* Вып. 13. 2013. С. 246–260.
6. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. (Часть первая): монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011.
7. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть вторая): учебное пособие. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012.

8. *Бакштановский В.И.* У истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики // *Ведомости прикладной этики.* Вып. 46. 2015. С. 210–252.

9. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику: монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006.

10. *Прокофьев А.В.* Автономия профессионала и автономия профессии // *Ведомости прикладной этики.* Вып. 50. 2017. С. 9–29.

11. *Прокофьев А.В.* Прикладная этика как проекция общих нравственных принципов (оценка теоретической модели) // *Ведомости прикладной этики.* Вып. 46. 2015. С. 30–62.

12. *Прокофьев А.В.* Профессиональная этика: форматы практической деятельности // *Ведомости прикладной этики.* Вып. 54. 2019. С. 19–40.

13. *Этический кодекс психолога* // URL:<http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 20.04.2022).

14. *Appelbaum A.I.* Ethics for Adversaries: The Morality of Roles in Public and Professional Life. Princeton: Princeton University Press, 1999.

15. *Freidson E.* Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001.

16. *Held V.* The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. Oxford: Oxford University Press, 2006.

17. *Noddings N.* Starting at Home: Caring and Social Policy. Berkeley: University of California Press, 2002.

18. *Luban D.* Legal Ethics and Human Dignity. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

19. *Parsons T.* The Professions and Social Structure // *Social Forces.* 1939. Vol. 17. № 4. P. 457–467.

20. *Werhane P.H., Hartman L.P., Archer C., Englehardt E.E., Pritchard M.S.* Obstacles to Ethical Decision-making: Mental Models, Milgram and the Problem of Obedience. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.